

## Путин forever

Желание дождаться ухода Путина велико. Но его уход не будет означать конец путинизма. Многие в России заинтересованы в сохранении системы.

Еще до начала российской агрессии против Украины в статьях и передачах германских СМИ о событиях в России присутствовала значительная «путиноцентричность». Но и после нападения в фокусе общественного внимания находится практически исключительно Владимир Путин. Надежды на лучшее будущее в Европе связываются с его исчезновением с политической сцены. При этом часто не принимается во внимание тот факт, что российское руководство цементирует свою власть не только при помощи давления и репрессий. В самом большом государстве на планете успела укорениться новая общественно-политическая модель, и значительное количество россиян выигрывают от ее существования. Это дает модели возможность выживания и сохранения работоспособности и без ее создателя.

Многие западные эксперты рассматривают путинскую систему в первую очередь как средство укрепления личной власти российского лидера. Они обращают внимание на культ личности Путина и постоянно, по всем каналам транслируемое Кремлем послание российскому народу: сегодняшний глава государства безальтернативен. Нынешний председатель Госдумы РФ Вячеслав Володин еще в 2014 году предельно просто и понятно сформулировал образ политической России с точки зрения правящих элит: «Есть Путин – есть Россия. Нет Путина – нет России». Также правы и те наблюдатели, которые воспринимают Путина в качестве конфликт-менеджера и третейского судьи, ответственного за урегулирование противоречий на вершине властной пирамиды. Он имеет последнее слово в спорах и тем самым гарантирует стабильность управления страной. Роль Путина в авторитарной России ни в коем случае нельзя приуменьшать. Вместе с тем путинизм означает отнюдь не только цепочку действий и мер с целью поддержки одного-единственного человека.

Российский журналист Андрей Колесников использует в своей

новой статье для запрещенного в России *Московского центра Карнеги* термин «научный путинизм». Здесь можно провести аналогию с научным коммунизмом, концепцией, основы которой в СССР должен был учить наизусть каждый студент. Безусловно, «научный путинизм» намного менее диалектичен, чем его советский предшественник, и обладает высокой степенью идеологической пластичности. Но эта параллель имеет право на существование. Как и раньше главная концепция СССР, путинизм служит сегодня фундаментом всего современного российского государства. Он предназначен не только для укрепления власти одного человека или его узкого круга. Система Путина действует в качестве защитного механизма для спасения «добрых старых времен». Она символизирует собой возвращение традиционализма и взаимоотношений из прошлого века, причем как во внешней, так и во внутренней политике, без всякого смущения перед применением силы или нарушением правил поведения. Путинизм с радостью прибегает к неправовым практикам и играет на страхах людей, будь то «закабаление России силами НАТО», падение уровня жизни или утрата привилегий. Эта консервация текущей ситуации, пусть и с незначительными косметическими изменениями, является сознательно или неосознанно привлекательной для многих россиян. Путинизм функционален, и в этом его преимущество.

Российская власть никогда не была единой. Война требует определенной дисциплины и делает битвы за влияние и ресурсы внутри правящей верхушки менее заметными. Несмотря на это, «сильные мира сего» в Кремле и на периферии вовсе не шагают стройными рядами в общем направлении. Они продолжают бороться друг с другом: спецслужбы против военных, олигархи против олигархов, губернаторы против местных начальников УФСБ. Несмотря на различные интересы, элиты демонстрируют поразительное единство в стремлении к сохранению путинизма, священной коровы российской власти. В условиях либеральной демократии у сегодняшних политиков, топ-менеджеров госкорпораций и бюрократов всех уровней не было бы никаких шансов сохранить свои кресла. Большинство из них не умеют побеждать на свободных выборах и доказывать свое право на занимаемую должность без использования коррупционных инструментов. В условиях путинской «вертикали» это разучились делать даже представители более старшего поколения. Молодые же с юных лет привыкли к простой схеме: шансы на собственный карьерный рост зависят от хороших связей и принадлежности к влиятельной группе. Такие понятия, как «голос народа» и контроль со стороны гражданского общества, им совершенно незнакомы.

Никакие значительные изменения системы не могут быть осуществлены без участия чиновничества и силовых структур, главным образом полиции. В 2020 году на 60 жителей России приходился один чиновник. Это больше, чем в Российской империи или СССР. Для сравнения: соотношение чиновников к населению составляло в тот же год в Германии 1 к 165, в США – 1 к 157. В 2018 году Россия занимала 25-е место в мире по количеству полицейских на 100 тыс. человек, сразу же после мелких островных государств. Общее количество чиновников в стране составляло 2,4 млн человек, а полицейских, включая силы спецназначения – около 800 тыс. человек. Обе эти группы относительно неплохо финансово обеспечены. Они будут противостоять любой «революции сверху», так как им придется заплатить высокую цену за глобальные перемены: сокращение общего числа и, следовательно, для многих потеря работы, связанной с немалыми привилегиями. Политики и аффилированная с государством экономика, чиновничество и провластные представители культуры и СМИ – все они желают сохранить путинизм. Это их билет в надежное будущее, хотя оно крайне похоже на прошлое.

*Путинизм уже стал самостоятельным механизмом, который настолько тесно сросся с российским государством, что имеет хорошие шансы выжить и после Путина*

Высокая поддержка Путина, по данным соцопросов, означает в России не только поддержку лично лидера, но и его системы. В то же время снижение уровня поддержки Путина как политика отнюдь не всегда означает отрицание путинизма. Карт-бланш, который россияне предоставили путинской системе, – это не знак доверия. Наоборот, это скорее символ взаимного недоверия и отчуждения внутри общества. Российское общество расколото. Изгнанная из России оппозиционная «Новая газета» назвала свое интервью с социологом Григорием Юдиным так: «Атомизированное общество. Социальная разобщенность страшнее атомной войны». Юдин делает жесткий вывод: большинство россиян руководствуются исключительно категориями личной жизни. Они агрессивно защищают свой собственный маленький мирок, отказываются от любого вмешательства в политику и не хотят брать на себя ответственность за

*Путинская система  
остаётся политическим  
долгожителем ещё и  
ввиду отсутствия  
идеологической  
альтернативы, которую  
восприняло бы  
абсолютное  
большинство людей в  
России*

политические процессы.

«Общественное» для жителей России неважно. Эти полномочия делегируются власти имущим. Атомизация общества идет на пользу правящей элите. Россияне отказываются от коллективных действий и считают их бессмысленными.

Многие россияне до сих пор переживают травму, связанную с событиями новейшей истории страны. Распад СССР, последовавшие за ним болезненные реформы на пути к рыночной экономике и массовое обнищание населения в 1990-х годах господствуют в общественном сознании, укоренились в коллективной памяти и передаются новым поколениям в виде негативного примера, обросшего множеством мифов. Эра Ельцина 1991-1999 годов была для российского общества единственным опытом (несовершенной) демократии.

«Демократия по-русски» в понимании миллионов «простых людей» в России – это высокий уровень преступности, отсутствие законов и дисциплины, падение в социальную пропасть и война в Чечне как предтеча возможного распада страны. Образ «1990-х» активно раздувался кремлевской пропагандой как олицетворение страшного прошлого. Он активно применялся в качестве безотказного аргумента против инакомыслящих и «доказательства» безальтернативности путинской модели. Общественная травма беззастенчиво использовалась в политических целях. Считанные годы спустя после своего избрания президентом Путин заключил со своим народом (фактически от имени России) неписаное соглашение: общество добровольно отказывается от свобод и дает правящему классу зеленый свет на авторитарный поворот. Взамен общество получает относительный достаток. Для

широких слоев населения России этот пакт продолжает действовать, с Путиным или без него, так как он был заключен от имени государства.

В настоящий момент ни элита, ни «обычные россияне» не заинтересованы в полном демонтаже путинизма и в глубинных политических реформах. Да этого практически никто и не требует. Лишь немногие готовы пойти на риск перемен, которые наверняка будут очень тяжелыми. Без сомнения, Путин является одним из столпов утвердившейся в России общественно-политической модели. В то же время путинизм уже стал самостоятельным механизмом, который настолько тесно сросся с российским государством, что имеет хорошие шансы выжить и после Путина.

Путинская система остается политическим долгожителем еще и ввиду отсутствия идеологической альтернативы, которую восприняло бы абсолютное большинство людей в России. Российская оппозиция, и без того малочисленная, расколота и подавленная, не может составить серьезную конкуренцию будущему авторитарному преемнику Путина. После того как Путин уйдет из Кремля, станут неизбежными определенные корректировки во внутренней и внешней политике. Но надежда на всеобщий демонтаж путинизма остается крайне малой.



Дмитрий Стратиевский  
Берлин

Дмитрий Стратиевский (Dr. Dmitri Stratievski) закончил факультеты политологии и истории и защитил диссертацию в Берлине (FU Berlin). Директор Берлинского Центра изучения Восточной Европы (Osteuropa-Zentrum Berlin e.V.). Автор ряда научных и публицистических работ, выставок и проектов по изучению истории и современности постсоветских государств.

